

А. Л. СОБОЛЕВ

# ТУРГЕНЕВ И ТИГРЫ

ИЗ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ  
О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ  
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ  
XX ВЕКА



МОСКВА  
«ТРУТЕНЬ»  
2017

УДК 821.161.1  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
С54

*Оформление и художественная редакция  
П. А. Дружинина*

**Соболев, А. Л.**  
С54 Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века / А. Л. Соболев. — М.: «Трутень», 2017. — 744 с.

ISBN 978-5-904007-15-7

В книге рассматриваются эпизоды из биографий И. Анненского, А. Ахматовой, В. Брюсова, Н. Заболоцкого, Ф. Сологуба, Д. Хармса и других русских писателей первой половины XX века. На основании архивных материалов выявляются и реконструируются существенные детали литературной жизни, позволяющие взглянуть по-новому на некоторые хрестоматийные тексты и их авторов.

© А. Л. Соболев, 2017

Хоть только след нам укажи.

*Пушкин*

А теперь загляну вот в это окошко.

*Нельдихен*

## ОТ АВТОРА

Каждое утро рабочего дня небольшие группы леди и джентльменов (средних лет? — как правило, да) собираются у парадных входов в неприметные здания обеих столиц и губернских городов. Лица большинства из них кажутся смутно знакомыми: собственно, в этой же очереди они встречались год, два или десять лет назад, — но шумно приветствовать друг друга тут не принято: цеховой этикет предписывает репетировать тишину, которой будет охвачен весь предстоящий день. Впрочем, обменяться рукопожатием с коллегой не зазорно; не порицается и легкий светский обмен мнениями по умозрительным вопросам — но, конечно, ни в коем случае не о делах. В назначенный час изнутри здания доносится тревожный шум, грохочет засов, поворачивается ключ, вспыхивает свет — и собравшиеся гуськом заходят в приотворенную дверь.

Дальше процедура может различаться в зависимости от места действия. Где-то сурового вида страж проверит ваш пропуск, а гардеробщица осудит форму одежды; в ином случае пропуск с вас не потребуют, а макинтош вы будете пристраивать на вешалке сами. В одном из московских архивов (вдумчивый читатель, конечно, догадался, что речь идет о них)

нужно сперва обменять заранее взятый с бою пропуск на ключ от камеры хранения, каковые в дефиците, так что, придя не к открытию, вы рискуете остаться изнывать в лакейской, покада ваши удачливые соперники будут вволю шелестеть бумагами в читальном зале. В другом, на этот раз петербургском, заведении гардеробщик присутствует, но выполняет не столь камердинерские, сколь полицейские функции, ибо, не отрываясь, наблюдает за экраном камер видеонаблюдения, покада вы сопрягаете крючок с петелькой.

Чтобы рассеянные посетители, с трудом возвращающиеся в так называемую реальность, не уносили с собой ключи от камер хранения, забывая в ячейках свой немудрый скарб, к ним (ключам) в некоторых заведениях приклепывают тяжелые железные пластины (недвусмысленно напоминающие о каторжнике с ядром на цепи). Впрочем, это редко становится преградой для настоящих ученых — ибо, думается, каждому из нас случалось обнаружить уже на подходе к дому предательскую тяжесть этого отрезка рельса в кармане плаща. В одном из петербургских архивов собеседование с новичком проводит охранник, особенно строгий к студенткам; в другом — дама-директор, сопоставимая, впрочем, с ним в категоричности. Ибо многолики препоны, встающие между ученым и его предметом, но настойчивость превозмогает все.

Для филолога наших дней работа в архивах отнюдь не является обязательной: большинство насущных задач могут быть решены исключительно на основе опубликованных документов; собственно, эта нехитрая максима подтверждается и педагогически (ибо будущих историков литературы не учат источниковедению), и практически — стоит лишь перелистать свежевывшедшие ученые труды. Более того, при нынешнем, незаконченном (а в иных областях даже и не начатом) учете печатных источников, чрезмерное внимание к рукописным документам может показаться излишней роскошью, граничащей с самоуверенностью, — навевающей, в свою очередь, воспоминания о грубоватой русской пословице, касающейся сверчка, шестка и гнозиса. Вслух говоря, регулярные посещения архивохранилищ, сопряженные со значительными

затратами времени и средств, в формальном смысле не окупаются ничем — ни стремительностью академической карьеры (на которую наличие в трудах архивных ссылок не влияет ни прямо, ни косвенно), ни особенным почетом коллег. Все это заставляет задуматься над тем, что заставляет сотни, а то и тысячи ученых (в том числе и автора этих строк) еженедельно в течение десятков лет отправляться одними и теми же устоявшимися маршрутами? Почему, собственно, архивы роя, я разбирал в досужный час всю биографию героя? Попробуем ответить.

Заканчивающаяся на наших глазах (по мере введения электронного документооборота) эпоха сделала бумагу единственной сколько-нибудь надежной формой поствитального человеческого существования: шуршащим, ветхим, но незаменимым залогом бессмертия. Людская память, если не брать частные случаи героев (в понимании Карлейля), живет два-три поколения — легко проверить, попытавшись припомнить имена собственных прабабушек. Внешне кажущиеся незабываемыми каменные надгробия ветшают и зарастают всепобеждающей муравой за ничтожные по историческим меркам сроки. Парадоксальным образом оказывается, что эфемернейший среди изобретенных человечеством носителей информации — боящийся воды, огня, яркого солнца, жука-древоточца и серую мышь — одновременно и самый стойкий, — и только ему может быть доверена коллективная память человечества.

Гражданин, рожденный в конце XIX — начале XX столетия, всю свою жизнь прочерчивает еле заметным чернильным пунктиром по бумаге. Покуда священник окунает его, только что явившегося на порог становящегося неприветливым мира, в крестильную купель, в земной канцелярии уже началась работа: в метрической книге, хранящейся при церкви, делается обстоятельная запись — такого-то числа окрещен младенец такой-то: вот его родители, здесь восприемники, тут совершающий таинство священник с дьяконом и псаломщиком. Скрип пера по бумаге будет сопровождать его повсюду: при поступлении в гимназию родители напишут прошение,

которое завизирует директор; учителя будут проставлять оценки в ведомость и заносить замечания в кондуит; семь лет спустя бессменный гимназический секретарь (подагрическая лапка, буквы с завитушками) выпишет нашему герою старомодный аттестат, напоминающий размером и графикой верительную грамоту средневекового посла. Затем университет: ходатайства, объяснения, курсовые работы и многосоставные ведомости. Совершеннолетний гражданин будет внесен в адресную книгу, что потребует целого вороха бумаг, увенчаных печатным представлением в ежегодном городском справочнике. Собравшись на вакации в Венецию, он отправит дворника в полицейский участок получать заграничный паспорт (что простимулирует краткий всплеск официальной переписки), а по возвращении будет обыскан на таможне в Вержболово — с составлением протокола о невиннейшем нарушении нормы беспошлинно ввозимого кьянти. Любое восхождение по служебной лестнице будет фиксироваться в исполинских недрах бюрократической машины; каждое присвоение очередного чина, вручение ордена за выслугу лет, взыскания и поощрения, — все это будет занесено орешковыми чернилами на бумажные скрижали. Он задумает купить себе квартиру — и вызовет тем самым водопад бумаг, ибо до распространения фотографии любой паспорт есть род филькиной грамоты и для всякой негоции следует привести подтверждающих личность свидетелей к нотариусу, который немедленно застрочит пером по чистому листу. Любое действие — от брака до болезни — будет вызывать истерическое расходование чернил и бумаги с последующим прошиванием оной пеньковым шнуром. А служебная переписка! «В ответ на ваше представление за номером таким-то от такого-то числа честь имею сообщить следующее». А заполненные анкеты! Формулярные списки и рекомендательные письма! И, наконец, уже на вечерней заре — нотариально заверенное завещание, последний безнадежный рецепт в круглосуточно открытую аптеку (как возмущен побудкой дремлющий провизор!) и нацарапанная записка, с которой мальчика посылают к гробовщику. Прах бедного NN возвращается к праху,

наследство проматывается потомками, а все вещные следы его долгого существования распределяются по архивам: консистерскому, полицейскому, таможенному и городскому — с тем, чтобы бумажное отражение его личности покоилось в тиши до момента, когда оно потребуется неутомимому историку.

Это до известной степени определяет эсхатологическую проекцию архивной работы: как последний смотритель на заброшенном кладбище, ученый, маленький помощник Мнемозины, подновляет обелиски и пропалывает сорняки ради сохранения непрерывности исторической памяти. С другой стороны, таким образом формируемая исследовательская манера предполагает совсем иную степень тактильного чувства истории. Химически очищенный текст стихотворения, явленный нам в современном собрании сочинений (а то и в его цифровой копии), воздействует на читателя совсем иначе, нежели его же рукопись — с пометками, зачеркиваниями, отвергнутыми вариантами и подсознательно-фрейдистскими маргиналиями на полях. Естественно, что всех этих надстроек и замутнений не надобно ни стиховеду, ни библиографу, — но для историка они складываются в ту степень подробности, которая одна способна дать ощущение умопостигаемой эпохи. Дрожащая от нетерпения рука, перо, рвущее бумагу, слетевшая не к месту чернильная клякса и капли воска, упавшие с огарка, — все это, с трудом поддающееся палеографической экспликации, составляет — вкупе с текстом — цельное отражение творческого акта, запечатленного в своей наивысшей точке. Между персонажем на сцене и единственным зрителем в зале исчезает столетний барьер — и незримый согладатай может, не оставляя своего наблюдательного пункта, вглядываться в ожившего героя.

Такого рода профессиональное визионерство сродни страсти к путешествиям в труднодоступные уголки земли: открывая архивную папку с документом, десятилетиями не видевшим солнечного света, мы до известной степени уподобляемся натуралисту, высаживающемуся на необитаемый остров: в большинстве случаев нас не ждет ничего особенного: привычные пальмы, обрыдлый песок, — но местность, до сих

пор не нанесенная на карты, поневоле заслуживает почтения. В читальном зале, под мерное гудение люминесцентных ламп (одна, неисправная, обязательно будет жужжать и понимающе подмигивать) ученые разбредаются кто куда, следуя мыслями, чувствами, внутренним зрением в то место и время, куда влекут их разложенные на столе бумаги.

Эти четырехмерные пространства описаны в служебной документации архивохранилищ лишь самым предварительным образом. Обычно это выглядит так: весь конгломерат составляющих архив документов поделен на фонды (каждый из которых объемлет бумаги одной организации или частного лица). К каждому фонду выпущены описи, где кратко перечислены составляющие его бумаги. Иногда (особенно к большим неупорядоченным массивам) делаются сквозные указатели — именной, хронологический или топографический. Проглядывая эти описи (число которых к одному фонду может достигать нескольких десятков, а то и сотен — но бывает и одна-единственная), ученый намечает себе круг ближайшего чтения. Редко бывает, что интерес его ограничится одной единицей хранения: чаще оказывается, что нужно просмотреть множество папок ради достижения искомой цели. Бывает и наоборот: подозревая, что в некотором массиве документов может обнаружиться кое-что интересное, читатель заказывает их один за другим, не очень даже представляя, что он собственно ищет.

Составившие эту книгу статьи и заметки по преимуществу родились из случайных архивных находок — когда в обширном корпусе малоспрашиваемых документов находился вдруг один, ощутимо менявший наше представление о биографии того или иного писателя. Как правило, дело, начавшись таким образом, развивается далее по законам детективного жанра (как его понимали в старину) — за одним документом следует другой, третий; опрашиваются свидетели, сопоставляются версии, приобщаются вещественные доказательства, — и вот целый, извлеченный из «темных архивов истории» эпизод прошедших времен предстает во всей своей многомерной полноте. Оптический прибор, позволяющий видеть небольшие участки прошлого, наша транстемпоральная камера обскура, при всем ее

несовершенстве, настроена на максимальное увеличение — поэтому исследовать нам предстоит по преимуществу частности: отдельные документы, малоизвестных героев, незначительные эпизоды. С другой стороны, и книги наших жиней написаны не слишком крупными буквами, так что масштаб повествования может оказаться впроу.

Приятная кода любого предисловия — перечень благодарностей. На разных этапах работы мне помогали М. В. Безродный, Н. А. Богомоллов, Д. И. Болдырева, собака Грейс, А. А. Григорьева, А. Л. Дмитренко, П. А. Дружинин, А. А. Ильин-Томич, К. А. Кумпан, И. Е. Лоцилов, Р. фон Майдель, В. П. Матвеев, В. Э. Молодяков, В. Я. Мордерер, В. В. Нехотин, Г. В. Обатнин, Н. Г. Охотин, М. М. Павлова, И. Р. Петров, П. Е. Поберезкина, Д. В. Полищук, Ю. А. Рыкунина, М. А. Сазонов, Т. П. Сигалова, В. И. Симанков, Л. И. Соболев, Н. Н. Соболева, М. Л. Спивак, Р. Д. Тименчик, Л. М. Турчинский, А. Б. Устинов, А. В. Филиппов, С. А. Чурилов.

Всем им — моя бесконечная признательность.

Те читатели, которым потребуется объяснение названия книги, благоволят найти его в одном из примечаний к первой главе.